

Р.Ю. Виппер

**Общественные учения и исторические теории
XVIII и XIX вв. в связи с общественным
движением на Западе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе / Р.Ю. Виппер –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 212 с.

ISBN 978-5-458-54307-1

ISBN 978-5-458-54307-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Вступленіе. „Новая наука“ Вико.

Цѣль предстоящихъ очерковъ—подойти къ объясненію общественныхъ ученій и историческихъ теорій XIX вѣка путемъ характеристики главныхъ системъ соціальной и исторической мысли двухъ послѣднихъ столѣтій, по возможности намѣчая условія, въ которыхъ эти системы возникли.

Историческія теоріи мы будемъ разсматривать при этомъ не въ ихъ связи съ технико-методическими приѣмами и спеціальными изслѣдованіями матеріала, а общественныя ученія не какъ практическія программы въ партійной и политической жизни. Тѣ и другія будутъ занимать насъ, какъ двѣ опредѣленныя стороны общаго міровоззрѣнія. Въ этомъ отношеніи между тѣми и другими существуетъ самая тѣсная и несомнѣнная связь. Общественныя ученія и историческія теоріи образуютъ двѣ формы одного и того же интереса, одного и того же запроса. Всякое общественное ученіе исходитъ отъ впечатлѣній, данныхъ существующимъ порядкомъ, отъ оцѣнки его; впередъ оно рисуетъ извѣстный идеалъ, а въ прошломъ предполагаетъ такіа начала, изъ которыхъ могла или должна была сложиться организація, пригодная къ достиженію этого идеала. Поэтому, когда общественное ученіе ставитъ цѣли въ будущемъ и оправдываетъ ихъ, когда оно критикуетъ настоящіе порядки или объясняетъ, чѣмъ они держатся, оно уже заключаетъ въ себѣ историческую теорію.

Съ другой стороны, общая историческая теорія никогда не есть одно созданіе ученаго любопытства или желанія держать въ порядкѣ общественный архивъ. Въ ней всегда стоитъ живой вопросъ: правиленъ ли нѣтъ, крѣпокъ ли нѣтъ общественный строй переживаемой эпохи? Устанавливая законъ для прошлаго, историческая теорія силою вещей высказывается о предстоящемъ. Эти вопросы и рѣшенія—вовсе не придатокъ къ исторической теоріи; въ нихъ—ея жизненный нервъ, ея главная побудительная сила.

Всякая общая историческая теорія есть критика и оцѣнка современнаго ей общества. Обратно, всякое толкованіе живого общественнаго

строю, т.-е. всякое общественное учение, должно выстроить себя исторические подмостки, должно истолковать и прошлое. Но нельзя сказать, чтобы каждое поколѣніе приносило съ собой совершенно новый планъ работы. Общія представленія болѣе живучи, они образуютъ болѣе широкія полосы, чѣмъ трудъ одного поколѣнія. Элементы ихъ медленнѣе слагаются и медленнѣе исчезаютъ. Идейная среда, въ которой мы живемъ и которой мы подчинены, шире, чѣмъ та, какую мы привыкли непосредственно чувствовать кругомъ себя.

Вотъ почему, въ изученіи элементовъ общественнаго и историческаго міровоззрѣнія XIX в., необходимо захватить еще вѣкъ назадъ, присоединить XVIII вѣкъ. Обратившись къ рубежу XVII и XVIII столѣтій, мы начнемъ тамъ, гдѣ возникаетъ сама наша терминологія общественной и исторической науки; мы встрѣтимся съ постановкой вопросовъ, близкой къ нашей, мы можемъ говорить, до известной степени, какъ бы съ нашими современниками, съ людьми, похожими на насъ по своимъ запросамъ, тревогамъ и унованіямъ. Моментъ, на которомъ придется остановиться, былъ сильный и оригинальный; не даромъ крупнѣйшій научный инициаторъ эпохи, о которомъ дальше пойдетъ рѣчь, Джанбатиста Вико, назвалъ свой методъ, свою систему фактовъ «новой наукой». Эта новая наука была наша историческая наука.

Что такое раньше была исторія для школъ, для сознанія интеллигентныхъ классовъ? Были многія исторіи, но не было одной исторіи. Была исторія священная и свѣтская, исторія греческая и римская, исторія церкви, имперіи и т. д. Это были группы, системы свѣдѣній, чисто описательныя, и онѣ играли роль дополнительную, пояснительную. Исторіи состояли въ вѣдомствѣ филологіи, и ихъ данныя заучивались, поскольку могли пригодиться для толкованія древнихъ писателей, отцовъ церкви и т. п. Для тѣхъ, кто спрашивалъ о ходѣ цѣлаго, исторіи были задвинуты въ параллельные ряды и нанизаны въ одну цѣпь. Тому служили готовые старинныя рамки: ихъ извлекали изъ Даніилова пророчества о четырехъ всемірныхъ монархіяхъ, послѣ которыхъ долженъ наступить конецъ міра. Такъ какъ конецъ міра все не наступалъ, то рубрика послѣдней монархіи, римской, непомѣрно растянулась, и внутри нея господствовалъ большой хаосъ.

Во второй половинѣ XVII в. одинъ филологъ предложилъ различать въ историческомъ прошломъ три періода, сообразно судьбамъ общечеловѣческаго научно-литературнаго языка, т.-е. языка латинскаго: время чистой латыни—древность, время потемнѣнія и варварской латыни послѣ паденія Римской имперіи, и время возрожденія чистаго языка древнихъ въ школѣ гуманистовъ. Къ такому раздѣленію очень подошло любимое сравненіе филологовъ, сопоставлявшихъ жизнь челоѣчества съ возрастами челоѣка; второй періодъ получилъ названіе средняго возраста,

или среднего вѣка. Вотъ начало нашего дѣленія на Древность, Среднѣе вѣка и Новое время.

Новое филологическое дѣленіе давало внѣшнюю привязку, но не вносило общаго освѣщенія въ судьбы прошлаго. Для общественной мысли исторія могла оставаться мертвой грудой. Существовало насмѣшливое или пренебрежительное отношеніе къ ней, какъ къ нескладному хранилищу мелочей, именъ, оторванныхъ анекдотовъ, неправдоподобныхъ эпизодовъ, противорѣчивыхъ извѣстій. Кто искалъ точнаго метода, яснаго знанія, тотъ склонялся къ изученію физико-математическихъ наукъ. Вотъ какъ выражался объ изученіи исторической жизни прошлаго вождь этого научнаго направленія, Декартъ: «Зачѣмъ отдавать столько времени на языки (древніе) и на старыя книги съ ихъ исторіями и баснями? Вѣдь бесѣда съ людьми прежнихъ временъ все равно, что путешествія. Хорошо поѣздить и посравнить, чтобы пріобрѣсти здравое мнѣніе о порядкахъ и обычаяхъ своей страны и не находить смѣшнымъ и глупымъ того, что не похоже на наше. Но если много ѣздить, подъ конецъ станешь чужимъ въ своемъ отечествѣ и, если очень увлекаться тѣмъ, что было въ прошлые вѣка, останешься во многомъ невѣждой относительно современности. Кромѣ того, басни настаиваютъ на многомъ, что невозможно, да и самые надежные историческіе писатели измѣняютъ и преувеличиваютъ значеніе обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе интересными для чтенія».

Здѣсь сказывается не одно только отвращеніе къ «старымъ книгамъ и баснямъ»; съ нимъ соединяется сомнѣніе, чтобы не сказать, отрицаніе самой возможности исторической науки. Много значила та тяжелая форма, въ которой предлагались результаты изученія прошлаго. Вотъ какъ выражался объ учености своего времени Болинброкъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ умовъ начала XVIII в., набросавшій въ непринужденной свѣтской бесѣдѣ рядъ замѣчательныхъ мыслей о задачахъ исторіи: «Я бы готовъ лучше смѣшивать Дарія Кодомана съ Даріемъ Гистаспомъ и провиниться въ столькихъ хронологическихъ ошибкахъ, сколько когда-либо дѣлалъ еврейскій хронологъ, чѣмъ употребить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хламъ, наполняющій голову знатока древностей».

Большая доля этого отвращенія къ исторіи была вызвана протестомъ противъ школьнаго классицизма, въ официальном вѣдѣніи котораго состояла исторія. Въ концѣ XVII в. во Франціи и Германіи передовые люди отрицали пользу воспитанія на устарѣлыхъ образцахъ, извлеченныхъ изъ жизни погибшаго міра; они были проникнуты слишкомъ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ своего времени, о его крупныхъ научныхъ, художественныхъ и общественныхъ успѣхахъ, чтобы идти въ школу къ отставшей, какъ бы неоконченной цивилизаціи древнихъ.

Въ знаменитой «Параллели древнихъ и новыхъ» аббата Перро (1692 г.), авторъ проиизируетъ: нападеніе на древность затрогиваетъ цехъ ученыхъ, которые могутъ потерять весь авторитетъ; это все равно, какъ если бы предложить пониженіе цѣнности монеты людямъ, у которыхъ все владѣніе въ капиталѣ и нѣтъ ни одной пяди земли». Перро продолжаетъ въ безцеремонномъ тонѣ: «Гимназіи много содѣйствовали обоготворенію древнихъ; тамъ только и дѣлаютъ, что хвалить классиковъ, а потомъ уже дѣйствуетъ привычка». «Привыкли мы,— добавляетъ онъ,—и вообще слишкомъ переносить понятіе объ умственномъ и нравственномъ совершенствѣ на отдаленное прошлое, видѣть тамъ счастье и добродѣтель».

Подъ тяжесть этихъ нападокъ подпала исторія, матеріалъ которой главнымъ образомъ сводился къ знанію древности. Въ этомъ матеріалѣ чувствовались хаотичность и утомительная нестрота; данные исторіи производили впечатлѣніе господства дикаго случая, безтолковаго нагроможденія, въ которомъ не разобралась и, пожалуй, не въ состояніи будетъ разобраться организаторская рука; все это вмѣстѣ съ закрадывающимся скептицизмомъ могло дать пищу пессимистическому взгляду на прошлое человѣчество. Двѣ мысли смѣшивались въ этомъ пессимизмѣ: отчаяніе найти какой-либо выходъ, нить истины среди пусторѣчивой, какъ казалось, неясной и лживой лѣтописи прошлаго и горькое чувство къ самому прошлому.

У одного писателя начала XVIII в., трактовавшаго о «примѣненіи исторіи», есть такая рѣзкая фраза: «исторія знакомитъ насъ съ человѣческимъ тщеславіемъ и лживостью; мы узнаемъ не то, что дѣйствительно было, а лишь человѣческія мнѣнія о происшедшемъ».

Настроеніе это ярко и въ болѣзненной формѣ отражается на оригинальнѣйшей фигурѣ учено-публицистическаго міра конца XVII в., Пьеръ Бэль. Бэль—безпокойный искатель, мучившій и раздражавшій себя и другихъ вѣчнымъ сомнѣніемъ и недоувѣріемъ; человѣкъ, полный живыхъ запросовъ и задыхавшійся въ массѣ мелочнаго, антикварнаго матеріала. Его знаменитый «Историческій и критическій словарь» представляетъ характерное столкновеніе педантической, неорганизованной учености, путающейся въ мелочахъ, вмѣстѣ съ жаждой исканія общаго смысла, съ постановкой общихъ научныхъ цѣлей въ исторіи. Критика Бэля не глубока: позади крупныхъ историческихъ именъ, позади обманчиваго пафоса въ историческихъ изображеніяхъ онъ умѣетъ открыть лишь личные, часто низменные мотивы; онъ не схватываетъ глубокихъ пружиныхъ, основныхъ соціальныхъ факторовъ; но при тѣхъ данныхъ, которыми располагала наука его времени, онъ не въ силахъ былъ углубить свою критику, а между тѣмъ онъ долженъ былъ по своей натурѣ, онъ не могъ не рыться, не подкапываться, не встряхивать историче-

скихъ свидѣтельствъ: онъ не могъ не обнаруживать въ сотый, тысячный разъ ихъ несостоятельности и противорѣчивости.

По временамъ Баль приходитъ въ отчаяніе отъ этого зрѣлища и отъ результатовъ своей работы и у него вырываются злые признанія. Ему нравится заглавіе всемірной исторіи одного изъ раннихъ христіанскихъ писателей (Орозіа): «О ничтожествѣ человѣческомъ». «Вотъ настоящий заголовокъ для исторіи вообще», говоритъ онъ. Исторія въ духѣ оптимизма противна ему: «это—все равно, что патріотическая ложь, изображающая только собственные побѣды». Баль видитъ, наконецъ, въ исторіи сплошное опроверженіе той идеи, что судьбами человѣческими руководить Провидѣніе: на землѣ, очевидно, нѣтъ награды добрымъ и возмездія злымъ. «Доводовъ нѣтъ противъ сомнѣнія, остается лишь надѣяться на благодать св. Духа», такъ кончаетъ онъ, близкій къ утратѣ всякой надежды.

Внести въ исторію смыслъ, законъ и разумъ сумѣли не тѣ, кому было поручено попеченіе о ней. Не детальныя изслѣдованія двинули впередъ историческое пониманіе. Живые запросы къ исторіи исходили въ XVI и XVII вв. изъ среды практиковъ, такъ сказать, самого историческаго дѣла, изъ среды юристовъ и политиковъ. Ихъ главные имена: Макиавелли, Бодэнъ, Гроціи, Гоббзъ. Событія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились ихъ ученія, это—послѣдняя борьба независимыхъ республикъ Италіи, соціально-религіозныя войны во Франціи, освобожденіе Нидерландовъ, великая англійская революція. Потребность оправдать свою общественно-политическую программу, выработать точныя раціональныя основы будущей политики ставила публицистовъ лицомъ къ лицу съ исторіей. Въ переживаемыхъ переворотахъ, въ смѣнѣ политическихъ формъ они искали опредѣленнаго закона и послѣдовательности; подъ вліяніемъ кризисовъ они стремились уяснить условія жизни и паденія этихъ формъ. Естественно было съ ихъ стороны искать въ прошломъ аналогій, сравнивать конкретныя историческія явленія, отыскивать въ нихъ типичное, общее, присматриваться къ элементамъ правильнымъ, повторяющимся.

Въ публицистикѣ XVI и XVII вв. возвращается постоянно одна мысль: что общественно-политическія формы имѣютъ свою естественную исторію, что онѣ вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ человѣческаго существа, развиваются подъ вліяніемъ толчковъ, данныхъ внѣшней природой, географическими условіями; что онѣ должны повторяться съ неизмѣнной правильностью тамъ, гдѣ образуются вновь сходныя условія.

Гоббзъ ставитъ будущее общественной науки въ прямую зависимость отъ открытія точныхъ законовъ, равныхъ математическимъ. Онъ думаетъ больше. «Если бы взаимоотношенія человѣческихъ поступковъ могли быть опредѣлены съ тою же увѣренностью, какъ и количествен-

ныя отношенія геометрическихъ фигуръ, — честолюбіе и жадность стали бы безоружны, такъ какъ ихъ могущество опирается лишь на ложныя воззрѣнія о правѣ и неправдѣ, и родъ человѣческій сталъ бы пользоваться непрерывнымъ миромъ, который не нарушался бы никакой борьбой».

Въ политическихъ буряхъ XVI и XVII вв., въ борьбѣ короны и сословія выдвинулся вопросъ о предѣлахъ принудительной власти и о правахъ личности въ общественномъ союзѣ. Въ разсужденіяхъ по этому поводу обращали вниманіе на то, что организація власти, устройство общества ясно отражаютъ въ себѣ сознательную работу людей, обнаруживаютъ много искусственности. Спрашивалось, какъ согласовать эти искусственные элементы съ тѣмъ, что вложила въ людей природа, съ ихъ естественными свойствами и влеченіями? Происходитъ ли въ культурно-политической средѣ нарушение естественнаго закона или его дальнѣйшее развитіе и приложение?

Вопросы эти, живо волновавшіе общество во второй половинѣ XVII в., такъ или иначе выдвигали историческую тему, именно проблему о раннемъ первобытномъ состояніи людей. Надо было прежде всего опредѣлить, что такое «естественный человѣкъ», отыскать его вживь, въ конкретномъ видѣ. Матеріалистъ Гоббзъ выставилъ теорію «человѣка-звѣря». Звѣремъ былъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и это звѣрство кроется въ немъ сейчасъ, въ культурной средѣ и всегда останется, сдерживаемое лишь принужденіемъ, государственнымъ деспотизмомъ. «Когда ты отправляешься въ путешествіе, — говоритъ Гоббзъ, — зачѣмъ ищешь ты спутниковъ, берешь оружіе? Когда идешь спать, зачѣмъ запираешь двери? Если ты такъ поступаешь подъ охраной законовъ и ихъ служителей, не очевидно ли отсюда, какое мнѣніе у тебя о своихъ согражданахъ, сосѣдяхъ, домохозядахъ? Ты именно предполагаешь наличность естественнаго состоянія». Гоббзу возражали, что доля того сдерживающаго начала, которое онъ приписываетъ искусственной силѣ, принадлежитъ природѣ человѣка и была въ человѣкѣ ранней первобытной эпохи; слѣдовательно, извѣстная доля свободы необходима. Историческій вопросъ былъ здѣсь тѣсно связанъ съ соціально-политическимъ.

Въ этомъ спорѣ надо обратить вниманіе на одну черту, которую можно было бы назвать реализмомъ изслѣдованія. Мѣсто богословскихъ цитатъ, отвлеченныхъ формулъ, взятыхъ у римскихъ юристовъ, заняли ссылки на типическія явленія окружающей политической и культурной жизни; въ нихъ стремились путемъ внимательнаго изученія прочитать неясныя очертанія ранней поры и пройденнаго съ тѣхъ поръ развитія. Рядомъ съ этимъ въ фактическомъ матеріалѣ важное мѣсто заняло изслѣдованіе быта современныхъ дикарей, особенно Америки, въ качествѣ живыхъ представителей первобытнаго естественнаго состоянія.

Мы уже на порогѣ «Новой науки» Вико, но нужно отмѣтить еще

одну черту эпохи. Люди, возсоздавшие путем самостоятельного анализа картину начала человечества, обнаруживали большую смѣлость критической мысли. Писанное слово, покрытое именемъ классическаго ритора или философа, не оказывало на нихъ болѣе чарующаго впечатлѣнія, не казалось имъ гравированнымъ памятникомъ. Пробудилось сознание нетвердости всей этой традиціи, наивности ея, паличности въ ней вымысла и догадки, съ которой рядомъ можно поставить вѣдь и свою догадку; сознание это характеризуетъ отношеніе передовыхъ слоевъ общества ко всей старой литературѣ, которую твердили въ школахъ и изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ которой сшивали бесконечно и неутѣшительно тягучую ткань. Образованный человѣкъ конца XVII в. выросъ выше сказокъ о римскихъ царяхъ и анекдотовъ о греческихъ тиранахъ и законодателяхъ и онъ готовъ былъ выкинуть изъ науки вовсе эту дѣтскую забаву, пожертвовать фиктивнымъ знаніемъ о раннихъ вѣкахъ, начинать съ достовѣрныхъ позднихъ временъ, чтобы построить реальную картину историческаго развитія.

Много живыхъ запросовъ было поднято въ области общественно-исторической мысли въ концѣ XVII в. и къ нимъ приступали съ большою смѣlostью анализа и критицизма. На этой почвѣ выросла удивительная книга неаполитанскаго юриста-философа Джанбатиста Вико, вышедшая въ 1725 г. подъ заглавіемъ «Новая наука».

Ближайшая обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать этой богатой, творческой головѣ, была очень невыгодной. Въ эпоху жизни Вико (род. 1668 г., ум. 1744 г.) Италія была одной изъ отсталыхъ странъ Европы. Въ ея искусствѣ и литературѣ господствуетъ тусклое подражательное направленіе, склонность къ вульгарной или педантической риторикѣ. Политическая среда Италіи, особенно Неаполя, далека отъ борьбы крупныхъ принциповъ. Въ наукѣ преобладаетъ модное картезіанство, философія, которая обѣщала простой и точный методъ, исходила отъ довѣрія къ личному сознанию, къ разсудку человѣка, какъ силѣ ясной и безусловной; она какъ бы ставила человѣка сразу на опредѣленный путь, не отвлекая его вопросомъ о томъ, какъ складывается, на чемъ держится наше сознание, она предлагала ему на выборъ ту или другую специальную область, гдѣ оставалось лишь примѣнять опредѣленные приемы.

По мнѣнію Вико, въ этомъ печальномъ суженіи культурнаго сознания погибъ тотъ всесторонне одаренный и развитый человѣкъ, какимъ былъ въ свое время греческій философъ, заключавшій «въ самомъ себѣ цѣлый университетъ», или какимъ былъ многоопытный въ жизни римскій юристъ-практикъ.

Самъ Вико—одна изъ тѣхъ натуръ, которыя въ своей глубокой внутренней жизни способны проникаться далекой традиціей, а съ другой

стороны, чутко отзываться на общіе вопросы эпохи, поднимающіе ихъ надъ ближайшей средой. Какъ юристъ, Вико сильно заинтересовался публицистикой XVII в.; подъ ея вліяніемъ онъ уже не могъ удовольствоваться логическимъ истолкованіемъ и нанизываніемъ принциповъ права; онъ хотѣлъ понять формы права въ связи съ общественно-политическими переворотами, которые вызываютъ эти формы къ жизни, онъ искалъ въ правѣ выраженія и закрѣпленія успѣховъ общественнаго развитія. Въ Вико есть и черты стараго гуманизма съ его непосредственнымъ чутьемъ древней жизни и литературы; въ эпоху господства риторическихъ книжекъ и плоскихъ обработокъ онъ точно сохранилъ истинный кладъ старинной славы Италіи, еще покрытой сотней обломковъ античной культуры и словно озаренной ея солнцемъ. Наконецъ, въ немъ есть черты мистицизма, его богатое воображеніе какъ бы способно переходить въ пророческія видѣнія; эта сторона духовнаго склада Вико сближаетъ его съ католическими энтузіастами прежнихъ временъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она привела его къ поэтической философій Платона.

Вико не могъ принять господствующей философій своего времени. Область знанія, доступная точнымъ вычисленіямъ, открытая разсудку отдѣльнаго человѣка, по его мнѣнію, тѣсна и ограничена. Но она окружена обширной областью вѣры, областью таинственнаго и неуловимаго, областью вѣроятнаго. Эта область стоитъ передъ нами въ своихъ символахъ, въ безконечныхъ комбинаціяхъ вещей, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ человѣческихъ отношеній. Въ свою очередь эти символы и знаки кажутся Вико отраженіями безконечно прекраснаго вѣчнаго міра идей, по образу которыхъ складывается земная жизнь.

Смыслъ явленій въ области вѣроятнаго, эта болѣе глубокая, хотя и болѣе смутная истина, не открывается прямымъ и механическимъ вычисленіемъ. Такіе приемы—«оковы для духа, привыкшаго пробѣгать безграничное поле общихъ идей». Творческія силы человѣка далеко не ограничиваются предѣлами того, что ясно сознается. «Подобно тому, какъ Богъ—геній міра», говоритъ Вико, «такъ человѣческій геній—богъ въ человѣкѣ. Не случилось ли вамъ въ порывѣ сильной воли совершать дѣла, которымъ вы послѣ изумлялись и которыя вы склонны были скорѣе приписать Богу, чѣмъ самому себѣ?» Личный разсудокъ, представленный самому себѣ, лишь разъединяетъ людей. Истинная мудрость, а потому и движущій въ человѣческомъ мірѣ факторъ, заключается въ обществѣ, въ народной массѣ, въ коллективной жизни, въ инстинктѣ группы, который есть несознанный разумъ.

На этой мысли основаны юридическія работы Вико: онъ хочетъ открыть въ правѣ выраженіе народнаго духа. Эта мысль указываетъ задачу и его великому и послѣднему труду, «Новой наукѣ». Вико хочетъ раскрыть въ общей природѣ народовъ, въ ихъ однородномъ культурномъ

достояніи вѣчныя начала общежитія и вѣчныя основы права. Если мы встрѣчаемъ у народовъ, не знавшихъ другъ друга, сходныя понятія, формы языка, миры, обычаи, то здѣсь заключено доказательство и выраженіе великаго общаго факта. Это значитъ, что «идеальная исторія» начертана впередъ и составляетъ великій планъ Божій, по которому все развивается въ человѣческомъ мірѣ. Иначе говоря, Провидѣніе дало «общинѣ человѣческаго рода» неизмѣнные законы. Поэтому изученіе исторической жизни Вико называется, со свойственной ему патетической терминологіей, «гражданскимъ и разсудочнымъ богопознаніемъ».

Но высшая воля не вмѣшивается непосредственно въ ходъ вещей. Единственное чудо міра и чудо изъ чудесъ, это—неуклонное дѣйствіе тѣхъ силъ, изъ которыхъ слагается общество и которыя лежатъ въ глубокихъ основныхъ человѣческихъ свойствахъ. Божественная воля лишь создаетъ общія необходимыя отношенія, даетъ общій первоначальный толчокъ. Само общество есть продуктъ человѣческой работы. Всѣ общества идутъ по одному пути: гдѣ и сколько бы разъ ни началась исторія, она всюду и вѣчно будетъ повторять тѣ же формы, пройдетъ одинъ и тотъ же кругъ.

Какія же у историка средства познанія этого пути? Разъ социальный міръ есть созданіе людей, въ умѣ культурнаго человѣка, въ духовномъ наслѣдіи, которымъ онъ располагаетъ, должны были отложиться всѣ пройденныя измѣненія, должны были остаться слѣды пережитыхъ эпохъ, настроеній и мыслей. Поэтому, восходя правильнымъ методомъ, можно рассказать себѣ всю исторію прошлаго. «Въ этой исторіи не будетъ ошибокъ, если тотъ, кто участвуетъ въ историческомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ является лицомъ, рассказывающимъ исторію». «Исторія можетъ стать наукой, столь же точной, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ извѣстныхъ величинъ, строить сама себя изъ собственныхъ элементовъ».

Въ этой для насъ нѣсколько необычной формѣ заключена сильная и глубокая мысль. Вико хочетъ сказать, что новыя поколѣнія выстраиваютъ себѣ исторію сообразно своимъ понятіямъ и запросамъ, по своему разумѣнію и жизненнымъ цѣлямъ, въ которыхъ, въ свою очередь, отразился опытъ вѣковъ. Вико убѣжденъ въ томъ, что потребности людей, ихъ свойства по существу остаются тѣ же на всемъ протяженіи исторіи; измѣняется ихъ форма по мѣрѣ постепеннаго ихъ роста. Мало развитой человѣкъ живетъ воображеніемъ, страстью, жаждой непосредственнаго удовлетворенія, культурный—разсудкомъ, рефлексіей, онъ приспособленъ и методиченъ. Но между чувствомъ, между безсознательной жизнью ранняго времени и интеллектомъ, сознательнымъ и искусственнымъ строемъ послѣдующей эпохи—органическая связь. Культура есть утилизація страстей, первоначально грубыхъ свойствъ,

«Физика невѣжды есть первобытная философія». Философія есть за-
мѣна религіи на извѣстной ступени развитія.

Человѣкъ всегда толкуетъ окружающій міръ по себѣ, по мѣркѣ
своихъ качествъ и силъ: чѣмъ ниже онъ стоитъ, тѣмъ сильнѣе во-
ображеніе, тѣмъ болѣе окружаетъ онъ себя идеальнымъ міромъ сим-
воловъ, образныхъ объясненій. «Невѣжественный человѣкъ строитъ
весь міръ по своему образу и подобию». Задача науки и состоитъ въ
томъ, чтобы сквозь маску этой символической, обманчивой, субъективной
традиціи вѣковъ разгадать истинныя и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныя
жизненные условія отдаленныхъ временъ и вообще всѣхъ временъ.
Съ этой точки зрѣнія Вико нашелъ возможнымъ примѣнить новый ме-
тодъ къ изученію древности.

Дошедшія до насъ сказанія, историческіе романы и анекдоты не
даютъ, конечно, картины исторической дѣйствительности. Но они заклю-
чаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сохранившимися формами языка, литератур-
ными оборотами, обрывочными слѣдами вѣрованій и обычаевъ, сим-
волы пережитыхъ настроеній, понятій и бытовыхъ формъ. По этимъ
обломкамъ старины—переживаніямъ, какъ мы привыкли говорить,—
историкъ можетъ возсоздать прошлое, читая въ переданныхъ знакахъ
эпохи идеи и социальныя состоянія.

Въ развитіи обществъ Вико различаетъ три великія эпохи. Первая
изъ нихъ представляется ему дѣтствомъ народа, когда зачатки буду-
щихъ культурныхъ потребностей являются лишь въ видѣ грубыхъ ин-
стинктовъ. Проблема ранняго первобытнаго состоянія сильно занимала
его, какъ и его современниковъ. Но картина этого состоянія у Вико,
въ сравненіи съ догадками юристовъ и политиковъ XVII в., поражаетъ
удивительнымъ историческимъ реализмомъ.

Люди ранней эпохи кажутся Вико похожими на гомеровскихъ цикло-
повъ. Это были крупныя физически существа, великаны, скорѣе звѣри,
не отличавшіеся отъ другихъ звѣрей даже выпрямленнымъ положе-
ніемъ на двухъ ногахъ; волосатые, съ гривой, закрывавшей лицо, съ
острыми ногтями для защиты и нападенія, они не ходили, а скорѣе
ползали и карабкались по кустарнику и терну, покрытые грязью; ни-
когда не поднимали они дикаго мутнаго взгляда вверхъ къ небу; они
испускали лишь хриплые, нечленораздѣльные крики. Царь созданія мало
отличался отъ самыхъ низкихъ представителей его. Всѣ его данныя
спали бездѣтельно и выражались лишь въ простой потребности суще-
ствованія; онъ не имѣлъ ни Бога, ни закона.

Новая жизнь началась, когда впервые люди были поражены уда-
ромъ грома. Вико выставляетъ при этомъ своеобразную космическую ги-
потезу: образованіе современной атмосферы, облегающей землю—моло-
же происхожденія человѣка, и гроза—явленіе позднее. Страхъ, вызван-